

Он медленно повернулся, но неожиданно встретился взглядом с Мужун Цзянем. Юноша невольно вздрогнул и тут же отвел глаза. Желая избежать лишних неприятностей, он был вынужден сложить руки в почтительном поклоне и с трепетом ответить:

— Слушаюсь, Ваше Величество.

С этими словами он осторожно достал из-за пояса Тигриную бирку императорской стражи. Вещь эта была мала, но обладала огромной силой — с ее помощью можно было поднять императорскую гвардию столицы. Передай он ее сейчас, и, пожалуй, лишился бы большей части своей военной власти.

Склонив голову, он обеими руками преподнес бирку, высоко подняв ее над головой, и почтительно протянул Мужун Цзяню. Приняв ее, Мужун Цзянь не произнес ни слова и удалился, оставив Шэнь И стоять в растерянности посреди главного зала в полнейшем смятении чувств.

В Резиденции генерала Шэнь Цин приказал слугам тщательно убрать все комнаты, а садовникам велел подрезать деревья и кусты в саду, готовясь к возвращению Шэнь И.

— Молодой господин, — медленно приближаясь, произнес Гао Шоу, глядя на суесящихся во дворе слуг.

Заметив его, Шэнь Цин приветливо улыбнулся и шагнул навстречу:

— Дядюшка Гао.

— Что же, убираетесь к возвращению генерала? — окинув взглядом толпу слуг, спросил он.

Шэнь Цин кивнул, преисполненный радости:

— Отец по приказу уже больше семи месяцев охранял дальние рубежи, и сегодня наконец вернулся в столичный город. Разумеется, я должен был как следует привести Резиденцию генерала в порядок.

Гао Шоу произнес:

— Молодой господин может не спешить: генерал отправился во дворец с докладом о службе и вернется не раньше чем через несколько часов.

Шэнь Цин удивился: в прошлые годы всегда сначала устраивали пир в честь возвращения, и лишь затем отец отправлялся во дворец, почему же в этом году все иначе — едва ступив в столичный город, сразу ехать с докладом? Однако он не стал долго раздумывать и сказал Гао Шоу:

— Пойдёмте, дядюшка Гао, зайдём выпить чаю. Вы столько вытерпели, неся службу на границе вместе с отцом.

Гао Шоу опустил голову, смущенно улыбнулся и с показной скромностью ответил:

— Это мой долг.

Пройдя внутрь резиденции, они увидели, что поместье генерала выглядит величественно и в то

же время изысканно. В главном зале на полке из превосходного золотого нанму с искусно вырезанным сквозным узором покоился пожалованный Мужун Цзянем меч шанфан. Клинок длиной около двух с половиной чи отражал переливы живого золотого дракона.

Проходя мимо кабинета Шэнь И, Гао Шоу слегка скосил глаза внутрь. Внезапно его взгляд загорелся, ноги сами собой остановились, и он, застыв у входа в кабинет, удивленно произнес:

— Так вот же она, та самая селадоновая ваза, о которой генерал так часто мне рассказывал! — Он посмотрел на стоявшую в комнате у стены многоярусную подставку для редкостей, уставленную всякой утварью. — Настоящий шедевр керамического искусства, — не удержался от похвалы он.

Шэнь Цин проследил за его взглядом: на полках стояли различные изделия из нефрита и бронзовые кубки, а та самая селадоновая ваза не бросалась в глаза. К тому же в кабинет отца редко кого пускали, и Шэнь Цин, неоднократно слышавший от отца строгий запрет трогать эту вазу, раньше не обращал на нее внимания.

— Отец действительно очень любит ее, — не будучи особо искушенным в фарфоре, ответил Шэнь Цин.

Они присели, и слуги тут же принялись разводить огонь для чая. Тихий, постепенно нарастающий шум закипающей воды издавал глухое шипение.

Глядя на Шэнь Цина, Гао Шоу многозначительно произнес:

— Подумать только, за последние десять лет генерал Шэнь сделал головокружительную карьеру! В нем отчетливо виден нрав самого Вэй Цзиня в его лучшие годы!

Шэнь Цин слегка опешил, не понимая, к чему Гао Шоу вдруг завел речь о Вэй Цзине. Почувствовав смутное беспокойство, он молча протянул гостю чашку чая и ничего не ответил.

Заметив это, Гао Шоу прищурился, легко улыбнулся и спросил:

— Неужели молодому господину не кажется, что смерть генерала Вэй Цзиня в те годы была поистине трагичной?

Шэнь Цин недоумевал, почему этот вопрос возник так внезапно. Поразмыслив немного, он ответил:

— Хотя генерал Вэй Цзинь обладал выдающимся боевым мастерством и непревзойденным полководческим талантом, он замыслил мятеж. Его преступление карается смертью, и с этим не смирились бы ни законы небесные, ни людские.

Гао Шоу улыбнулся и ничего не ответил. Он поднес чашку к губам, слегка подул, сделал небольшой глоток и лишь спустя долгое время неторопливо промолвил:

— Когда-то мы с генералом были лишь двумя скромными помощниками военачальника под началом Вэй Цзиня. Поистине, мир переменчив.

В его голосе послышалась легкая тоска. Сделав еще один глоток чая, он как бы между прочим спросил:

— Письмо генерала Шэня ведь никто посторонний не видел?

Шэнь Цин нахмурился. Отец прежде не давал ему никаких поручений насчет того, чтобы спрятать какое-либо письмо, поэтому он недоверчиво переспросил:

— Какое письмо?

Едва эти слова слетели с его губ, Гао Шоу, уже собиравшийся опустить чашку, заметно вздрогнул. Рука его судорожно дернулась, горячая вода плеснула через край, ошпарив ему пальцы. Он торопливо отдернул руку, и чашка со звоном рухнула на пол, разлетевшись на несколько осколков.

Гао Шоу смутился, лицо его страшно побледнело. Подняв голову, он наткнулся на изумленный взгляд Шэнь Цина и тут же потупил взор, спеша отвести глаза.

— Дядюшка Гао? — слегка наклонившись, с тревогой спросил Шэнь Цин. — Вы... что с вами? Все в порядке?

Гао Шоу натужно выдавил из себя пару сухих смешков, но брови его по-прежнему были сдвинуты, а лицо оставалось мрачным.

— В-все в порядке, — заикаясь, ответил он. — Простите, я потерял самообладание. И... никаких писем нет, я так просто спросил, ничего особенного.

Он низко опустил голову, избегая смотреть на Шэнь Цина.

Видя такое смятение, Шэнь Цин не переставал терзаться догадками, но, заметив, как сильно гость уклоняется от ответа, лишь велел слугам убрать осколки с пола.

— У... у меня еще есть дела, прошу меня извинить.

Гао Шоу медленно поднялся на ноги. Его тело слегка покачивалось, казалось, еще мгновение — и он упадет. Шэнь Цин поспешил подняться, чтобы поддержать его, но стоило ему протянуть руку, как Гао Шоу испуганно шарахнулся в сторону и быстрыми шагами направился к выходу.

Проходя мимо кабинета, Гао Шоу снова замедлил шаг, бросил косой взгляд внутрь и пробормотал себе под нос:

— Какая прекрасная ваза...

Шэнь Цин не расслышал его слов, а лишь посмотрел в ту сторону: в глубине полки стояла та самая селадоновая ваза, и в ней решительно не было ничего особенного.

Пошатываясь из стороны в сторону, Гао Шоу медленно вышел из Резиденции генерала. Спускаясь со ступенек у парадного входа, он то ли от тревоги, то ли просто не заметив последней ступени, оступился и чуть не рухнул на землю. Шэнь Цин тут же поддержал его; смущенно кивнув в знак благодарности, гость поспешно забрался в карету.

Внутри кареты плотно задернули занавески. Отъехав на некоторое расстояние, Гао Шоу спросил:

— Когда генерал вернется в поместье?

Кучер слегка взмахнул хлыстом и ответил:

— Должно быть, скоро.

Губы Гао Шоу тронула загадочная улыбка. Он слегка кивнул, и напускная растерянность мгновенно испарилась. Взгляд его сделался твердым и глубоким, а голос прозвучал с тяжелой, полной сложнейших чувств решимостью:

— Раз нет иного выхода, придется сделать это.

Стоя у ворот Резиденции генерала, Шэнь Цин молча провожал взглядом удаляющуюся карету, пока она окончательно не скрылась из виду. Тихо вздохнув, он вернулся в дом. Брови его были сдвинуты, а в голове роились вопросы: почему Гао Шоу сегодня вел себя так странно, и что за письмо он имел в виду?

Размышляя об этом, он поднял голову, и взгляд его упал на ту самую многоярусную подставку в кабинете Шэнь И. Медленно подойдя ближе, Шэнь Цин, несмотря на категорический отцовский запрет трогать вещи на этой полке, всё же протянул руку и приблизился к селадоновой вазе. Хотя он и не разбирался в фарфоре, обжиг этого сосуда выглядел на редкость грубым. Юноша никак не мог взять в толк, почему отец и даже Гао Шоу так нахваливали его.

Всмотревшись внимательнее, Шэнь Цин заметил на вазе легкий слой пыли и протянул руку, чтобы поднять ее и протереть — всё-таки это была любимая вещь отца. Но к его величайшему удивлению, ваза не сдвинулась с места ни на йоту. Как может обычный сосуд быть таким тяжелым? — подумал Шэнь Цин и сильнее повернул его в сторону.

Тут же раздался тяжелый скрежет, и подставка для редкостей заходила ходуном. Шэнь Цин отскочил на пару шагов назад, а стоявшая на полках утварь зашаталась и едва не рухнула на пол. Не прошло и мгновения, как створки полки сами собой отъехали в сторону, обнажив скрытый проход!

Шэнь Цин испуганно замер. Нахмурившись, он заглянул внутрь: там царил полумрак, помещение явно не открывали уже очень давно, и оттуда пахло застоявшейся пылью. Дважды кашлянув и отмахнувшись рукавом, юноша осторожно шагнул внутрь. Но едва он переступил порог, дверь тайной комнаты с оглушительным грохотом захлопнулась, подняв новое облако пыли. Смутное предчувствие беды шевельнулось в душе Шэнь Цина: он никак не мог взять в толк, зачем отцу понадобилось устраивать столь тщательно скрытое убежище, о котором он сам не имел ни малейшего понятия.

Осторожно ступая по тайной комнате, Шэнь Цин опасался случайно задеть какой-нибудь смертоносный механизм. В тусклом свете он разглядел два письменных стола, на которых стояли сосуды для вина и лежали принадлежности для письма, покрытые толстым слоем пыли. Неужели отец частенько проводил здесь время? — гадал про себя Шэнь Цин.

У стены стояли два книжных шкафа. Вдруг с одной из полок плавно спланировал лист бумаги. Настороженно замерев, Шэнь Цин разглядел упавший листок, похожий на письмо, подошел, присел на корточки и поднял его. Стряхнув пыль, он увидел, что конверт разорван в клочья, а сквозь прорехи виднеется пожелтевшая бумага. На сгибе письма алело блеклое пятнышко.

Осторожно развернув послание, он заметил, что красные пятна стали ярче и покрывали бумагу пятнами. Большая часть письма словно кем-то вырвана, края остались неровными и рваными, и уцелел лишь небольшой клочок с несколькими неразборчивыми строчками. Вглядевшись, Шэнь Цин прочитал: «Жужани окружили Ущелье Лия, прошу, спешите на помощь!»

Он остолбенел. Почерк был до крайности неровным — очевидно, послание писали в спешке, и разобрать слова оказалось непросто. Неужели это старое письмо с мольбой о помощи, отправленное его отцу? — думал он. Но зачем прятать его в этой тайной комнате?

Переведя взгляд на нижний угол листа, он отчетливо различил один-единственный иероглиф «Вэй» и пару оборванных штрихов, а всё остальное было безжалостно оторвано. «Вэй»? Какое «Вэй»? Вэй Цзинь?

Шэнь Цин вздрогнул всем телом. Вэй Цзинь? Тот самый Вэй Цзинь, что пал в бою у Ущелья Лия вместе с тремястами тысячами воинов?

Руки, державшие листок, задрожали. Всего десяток слов на бумаге заставил его задохнуться, словно тяжелый молот давил прямо на грудь, лишая воздуха. Зажмурившись, он тяжело и прерывисто задышал. Долгое время спустя он медленно открыл глаза и попытался взглянуть снова, отказываясь верить увиденному. В этот миг казалось, будто от бумажного листа веет дыханием жестокой бойни, сквозь царапины проступали следы от скрестившихся мечей, пик и алебард, а в ушах слышался конский топот и рев ветра над затянутым черным дымом сражений полем.

Теперь Шэнь Цин понял: алый след на конверте и бумаге была кровь.

<http://bllate.org/book/24542/2878607>